Содержание

Предисловие 7
Предисловие к карманному изданию 12
Поколение, бежавшее от прошлого 19

Всегда на правильной стороне 27
Упоение революцией, уверенность в себе 27
Живи вольготно, живи свободно. Террор? Охотно! 31
Как согреться на чужом пепелище 35
Хозяева собственной истории 40
Верить документам, а не ветеранам 43

Растерянность и слабость государства 47
Гибель Бенно Онезорга 47
МВД ищет зачинщиков 50
Канцлер: обеспокоенный, но рассудительный 53

Сила в радости, наслаждение в действии 59
Марксизм с уклоном в психодраму 59
Против «безысходного неистовства» нашего времени 64
Оргазм протеста и общий котел коммуны 67
Революционные сознательные группы в действии 73

Выход из бедственного положения 81
Партизаны, учителя-палочники, блюстители нравов 81
Коричневое видение в Нойкельне 87
Между «кацетле», застоем и модернизацией 91

О чем думали студенты 100
Традиционное мышление, революционный порыв 100
Демократическое студенчество, реакционное большинство 105

Захват власти в Западном Берлине 109
Революционный психоделический трип 109
Пропаганда посредством выстрелов 113
Городской совет как альтернативный парламент 117

Цари Обезьян с золотыми жезлами 124
Почитание массового убийцы 124
Что могло быть известно о преступлениях Мао? 130
Либеральные заигрывания с левыми радикалами 135

Откровенно антиконституционная 140
Цель оправдывает средства 140
Вторая внутренняя эмиграция Эрнста Френкеля. 149
Студенческая борьба в Берлине 153

Беспамятство по-немецки: США-СА-СС 162
Разочарование в любви 162
Бегство от нацистского прошлого 165
1968-й: год процессов над нацистскими палачами 169

Страх перед прошлым и «помешательство на евреях» 176
«Левый» антисемитизм как защита от чувства вины 176
Всё для палестинской революции 180

Поколение-33 и поколение-68 185
Мы ненавидим обывателя. 185
От индивидуализма к коллективизму 187
Против капиталистической монополии на образование. 191
Резиновая дубинка против «освободительного движения» 195

Когда поражение лучше победы 200
Буйство и одержимость немцев 200
Не умеющие плавать восстают против воды 204
Эмоционально обездоленные. 209
Публичное обсуждение и домашнее замалчивание 217
Бегство из отечества 219

Принятые сокращения 226
Литература 228
Комментарии 237
Указатель имен. 265
Об авторе 271

Предисловие

Чем дольше я занимаюсь Россией, тем более склоняюсь к мысли, что связи, соединяющие Россию и Германию, намного важней всего, что эти страны разделяет. Для великих немецкоязычных писателей — скажем, Райнера Мария Рильке или Стефана Цвейга — Россия была точкой отсчета и источником вдохновения; такую же роль для великих русских писателей — от Ивана Тургенева до Федора Достоевского — играла Германия. Жителям обеих стран не раз приходилось страдать от переплетения в обществе черт варварской архаики и просвещенного модерна. Очевидный интерес немецких романтиков к глубинам психики перекликается с представлениями о великой русской душе. Многие научные и культурные достижения человечества стали возможны благодаря взаимообмену между нашими странами. С другой стороны, и немецкое, и российское государство часто внушали общим соседям страх и ужас своим стремлением к внешней экспансии.

Прискорбным образом связывает нас самая жестокая война XX века, которую в 1941 году принесла в Россию нацистская диктатура. Никогда еще история не знала такого количества жертв — как солдат, убитых в бою, так и гражданских лиц, уничтоженных на территории Польши и республик бывшего Советского Союза. Начиная с моего первого посещения СССР в 1966 году, когда я возглавлял делегацию молодых демократов, входивших в молодежную организацию СвДП, я все время — и тогда, и в наши дни — удивлялся тому, что не слышу в России высказываний, свидетельствующих о неприязни к немцам. В последние годы вместе с представителями Фонда Фридриха Наумана я посетил многие регионы России — от северо-запада страны (Санкт-Петербург) до Сибири (Иркутск), от Урала (Екатеринбург) до Москвы, — и не раз обсуждал с местными жителями процесс утверждения гражданских прав и прав человека.

В ходе этих бесед мне стало ясно, что лучше всего мы можем научиться чему-то друг у друга, когда отказываемся смотреть на собеседников сквозь привычные очки и делаем предметом обсуждения собственный опыт, почерпнутый из знакомой нам реальности. Русский перевод моей вышедшей третьим изданием книги «Спасти права граждан. Свобода или безопасность: полемические заметки», посвященной утверждению гражданских

прав и прав человека в Германии, служил во время встреч с жителями России отправным пунктом для захватывающих дискуссий. Поэтому я, как и Фонд Фридриха Наумана, рад появлению книги, которая описывает и интерпретирует опыт событий 1968 года в Германии, — она также должна содействовать германо-российскому диалогу.

Разумеется, с точки зрения России 1968 год ознаменован прежде всего подавлением демократического протеста в Праге: эти события для нее более важны, чем происходившее в то время в Берлине. Надо, однако, помнить, что в сегодняшней России есть такая же нетерпеливая молодежь, стремящаяся как можно скорей положить конец коррупции и авторитарным тенденциям в собственном государстве. Может быть, критический взгляд на немецкое студенческое движение 1968 года поможет ей понять, какие идеи способствуют построению открытого общества, и отделить эти идеи от тех, что могут воспроизвести на новом уровне авторитарный дух ее предполагаемых противников?

Диалог, как демократия, существует прежде всего благодаря открытой дискуссии. Лишь в том случае, когда люди постоянно отстаивают гражданские права и права человека, когда им удается спорить и обсуждать проблемы в публичном пространстве, можно избежать конфликтов, неизбежно возникающих в любом обществе. Мы в Германии считаем 1968 год моментом кристаллизации общественно-политических конфликтов и дискуссии о выборе направления, которая в основном определила развитие демократии в нашей стране в последующие десятилетия. Сегодня мы все едины во мнении, что в период после 1968 года Германия стала более либеральной и демократичной страной. Однако до сих пор у нас идут споры о том, какую роль в этом играли тогдашние наиболее яркие революционеры.

Писатель и журналист Гётц Али внес в эти дебаты важный вклад. Он и раньше, публикуя сочинения, посвященные ужасам национал-социализма, и регулярные колонки в *Tageszeitung*, ставил перед немцами зеркало, в котором с беспощадной отчетливостью демонстрировал их подлинный облик. Хотя в последнее время у нас укрепили свое положение немногочисленные общественные группы, испытывающие под влиянием государственнических националистических идей симпатии к нацистскому периоду, чрезвычайно позитивным является то обстоятельство, что в сегодняшней Германии подведена черта под нацистским варварством и дана критическая оценка ответственности, которую несет за случившееся каждый элемент социума,

каждая профессиональная группа, каждое предприятие и каждое общественное объединение. В 1950–60-х годах дело обстояло далеко не так. В моей собственной партии (СвДП) мы очень долго боролись со старыми нацистскими структурами, которые пытались продлить свое существование. Негодование молодежи в те годы отчасти было направлено против молчания военного поколения, которое, хотя и принимало участие в строительстве новой жизни и новой страны, не хотело прояснить собственную роль в становлении тоталитарного государства.

Гётц Али был одним из этих «юных дикарей», желавших пролить свет на непроработанное прошлое и, обнажая загнанный внутрь конфликт, попытаться изменить положение дел. В книге «Наша борьба. 1968 год: Оглядываясь с недоумением» он подвергает самокритичному анализу собственный тогдашний опыт, безжалостно выявляя в нем черты тоталитарного мышления и поведения. Али пытается показать, что в деятельности студентов 1968 года можно проследить преемственную линию, имеющую антидемократические и тоталитарные истоки. Несмотря на их восстание против консерватизма и замалчиваемого национал-социализма поколения родителей, он усматривает в этих молодых людях более тесную связь с их противниками, чем согласились бы признать они сами. С точки зрения Али, либерализация общественной жизни в Германии была в первую очередь следствием взвешенной политики старшего поколения, а не революционных притязаний молодежи.

Он одобрительно отзывается, в частности, о Ральфе Дарендорфе: этот ученый, вызывающий у меня восхищение, в 1968 году во Фрайбурге дискутировал на крыше автобуса, стоявшего в паркинге перед зданием, где проходил федеральный съезд СвДП, с предводителем студенческого движения Руди Дучке. Беседа Дарендорфа и Дучке, либерального профессора социологии и марксистского активиста, отчасти иллюстрирует тезис, выдвинутый Гётцем Али. С одной стороны – продуманная аргументация реформатора, с другой – эмоциональные требования революционных перемен, высказанные более молодым участником дискуссии. Впрочем, в этом образе нельзя разглядеть предысторию тогдашней ситуации. Желая прояснить для старших членов партии, чем именно взбудоражена молодежь во многих германских университетах, я, возглавлявший в то время молодежную организации СвДП, пригласил Руди Дучке на съезд. Мы считали нужным устроить очную ставку либералов с этим авторитетным представителем части молодого поколения, хотя

Дучке в сущности был далек от либеральных позиций. В несогласии с вьетнамской войной мы были с ним едины. Однако тогдашний либеральный истеблишмент еще не был готов к таким дебатам. Дарендорф, который настойчиво искал возможность завязать диалог и тем самым проявлял подлинную либеральность, был явным исключением. Ему, как и мне, основные требования молодежи, ее призыв к реформам и проработке прошлого, казались вполне оправданными — ведь мы тоже принадлежали к этому молодому поколению.

Сам я и сегодня оцениваю движение 1968 года более положительно, чем Гётц Али. Эту оценку я разделяю с Ральфом Дарендорфом, который в книге «Соблазны несвободы» писал: «В зеркале обратного вида 1968 год предстает модернизационным рывком — к равноправию женщин и обществу знания, к гражданским инициативам и осознанию экологических проблем, к толерантности в отношении других и заинтересованном отношении к тому, что происходит вдали от страны. Вместе с тем он стал моментом утверждения релятивизма и в этом своем качестве явил в просвещенном мире открытого общества оборотный, фундаменталистский лик Януса».

Мы, члены партий социально-либеральной коалиции, хотели сломать закостенелые структуры аденауэровской эпохи, сделать ответственность за нацистские преступления предметом гласности и модернизировать общество. Следуя традициям либерализма, мы хотели претворить нашу конституцию, опирающуюся на представления о человеческом достоинстве, в действительность, которая воплощала бы конституционные нормы. Мы ощущали ветер общественных перемен, и наши партии, подгоняемые им, приняли тогда решение о реформах, которые по сей день определяют облик Германии. Ключевым лозунгом первого заявления правительства Брандта—Шееля был: «Больше демократии!» Мы сознавали, что эти реформы наберут ход лишь в том случае, если каждое из поколений, живущих в нашей стране, будет противостоять ползучей утрате фундаментальных либеральных ценностей. В современной Германии, где нарастают расистские настроения, это по-прежнему остается самой насущной задачей. В те годы мы утвердили либеральное мышление почти во всех сферах общества — от правопорядка до образовательной политики —. Одновременно мы с большим напряжением сил, преодолевая мощное сопротивление консервативных слоев населения, инициировали новую политику в отношении ГДР и стран Восточного блока. Позже она сыграла,

среди прочего, решающую роль в процессе воссоединения Германии и освобождения Восточной Европы.

Гётц Али весьма точно описывает движение-68, имевшее глобальные корни. Все же, с моей точки зрения — а я также был современником событий, — он оценивает это движение чересчур негативно. Тем не менее его книга излагает достоверный взгляд на ситуацию тех лет и обладает высокой документальной ценностью. Разумеется, из того, что он справедливо критикует в тогдашних антилиберальных тенденциях, сейчас осталось не так много: например, желание упразднить капиталистическую экономику. Правда, она не была реформирована так, как того хотели мы, либералы, но поставлена теперь на гораздо более прочные основания, чем имела когда-либо.

В решении самых важных проблем возобладали позитивные тенденции. Как иногда утверждают — и я присоединяюсь к этому выводу, — в те годы республика была практически переучреждена заново. Наши друзья из гражданского движения в ГДР с огромным интересом наблюдали процесс этого пробуждения издалека и страдали от того, что в их обществе не происходит ничего подобного.

Хочу закончить цитатой из великого философа Карла Поппера: «Мы можем интерпретировать историю с точки зрения нашей борьбы за открытое общество, за власть разума, за справедливость, свободу, равенство и за предотвращение международных преступлений. Хотя история не имеет цели, мы можем навязать ей свои цели. И хотя история не имеет смысла, мы можем придать ей смысл». Этой цели хотим служить и мы, когда возвращаемся с помощью книги Гетца Али к событиям, происходившим в 1968 году в Германии, и обсуждаем их с российскими читателями.

Герхарт Баум,
бывший министр
внутренних дел ФРГ

Предисловие к карманному изданию

Первое издание моей книги, предложившей критический взгляд на события 1968 года, было приурочено к сороковой годовщине тогдашних протестных выступлений. Возмущенная реакция постаревших борцов за лучший мир не заставила себя ждать. Чтобы выкурить позавчерашних противников авторитаризма из их уютного гнездышка, достаточно было включить в книгу, опубликованную под ностальгическим заголовком «Наша борьба», несколько язвительных замечаний о давно минувшей эпохе исканий и блужданий. Тут же раздались возмущенные крики: «У него стыда нет! Какая мерзость! Что он себе позволяет!»

Стайки боевых друзей и подруг, держа друг друга под руку, появлялись на моих многочисленных — в те дни я выступал около сорока раз — чтениях. Седовласые дамы и господа, хмурясь, рассаживались в зале и принимались за дело: «Ренегат! Перебежчик! Барышник! Мы и читать не станем твою пачкотню!» Называя меня «предателем» и «доносчиком», они в то же время заверяли слушателей в «исключительно просветительском характере» их движения и в собственной непорочности. Как только я посмел обличить хотя бы одного человека из этого чистого мира гуманности и всестороннего раскрепощения!

Перед презентацией моей книги в вендландском городке Хитцаккере там был распространен призыв к бойкоту. Воззвание сочинили несколько представителей старого «альтернативного» движения, которых немало в районе Люхов—Данненберг. Они борются за справедливое распределение ресурсов, против ядерной энергетики и владеют домами, где на человека приходится добрых полтораста квадратных метров жилой площади. Несмотря на предупреждение, собралось около тридцати слушателей. Все они хорошо разогрелись в своих домах под камышовыми крышами* и кипели от возмущения. В конце вечера ко мне подошла подтянутая пожилая дама: «Меня зовут Эдельгард». Глядя с укоризной, она молча протянула мне свою брошюру

---

* Характерная черта региона; в настоящее время — признак зажиточности владельцев дома. — Здесь и ниже звездочками обозначены примечания переводчиков и редактора. Примечания автора, обозначенные арабскими цифрами, вынесены в конец текста.

«Добьемся большего вместе. Краткое руководство для активистских групп». Труд Эдельгард открывается задорным обращением: «Всем привет!» — и завершается бодрым лозунгом на обороте обложки: «Будем на одной волне». Ничем не напоминает концепцию «народной общности»*, а? Ну что вы! Откуда взяться врагам в стране активистских групп, где обитает Эдельгард?

В ходе подобных встреч мои оппоненты обычно выдвигали четыре аргумента в свою защиту: 1. Тот, кого не было среди нас, не вправе судить об этом времени. 2. Мы стремились к новому. 3. Не все было плохо. 4. Мы не позволим лишить себя биографии. Примерно то же заявляли после 1945 года родители бунтарей 68-го, а после 1989-го — многие жители ГДР. Первые столкновения с противниками моей книги подсказали мне слоган для дальнейших выступлений: «Против сорокалетней гнили»**.

Многие, хотя и не все ветераны 68-го во время дискуссий сознательно уклонялись от неудобных воспоминаний и приукрашивали прошлое. Они вполне серьезно утверждали, что часто скандировавшийся, начиная с февраля 1968 года, лозунг «США-СА-СС» (USA-SA-SS), который ясно свидетельствовал о стремлении детей нацистов переложить вину на чужие плечи, был завезен из Франции. Как он звучал по-французски, эти сказочники не уточняли. Если не вдаваться в подобные детали, можно сказать, что активные участники движения 1968 года в настоящее время ограничиваются двумя отговорками: 1. Во Франкфурте все происходило не так, как в Западном Берлине, а в Тюбингене и подавно. 2. Я был еще слишком молод (вариант: уже слишком стар) для участия в «серьезных беспорядках». Они, конечно, имели место, но как-то стерлись из памяти.

Так, «зеленые» забыли тот факт, что к моменту основания партии ее руководство наполовину, если не больше, составляли выходцы из маоистских революционных объединений «спонти» или из групп марксистских доктринеров. Напротив, те же самые люди — как бы их ни звали: Антье Фольмер, Йошка Фишер, Юрген Триттин или Клаудия Рот, — в один голос твердят, что такие группы следует рассматривать лишь как прискорбное побочное явление, вызванное общим «прорывом». Тут нет ничего загадочного, — биографии десятков тысяч западногерманских

---

* Элемент идеологического словаря национал-социализма.

** Обыгрывается известный студенческий лозунг: «Мантии прикрыли мерзость тысячелетней гнили» (ср. ниже главку «Коричневое видение в Нойкельне»).

студентов, в сущности, ничуть не меньше подпорчены их позднейшими симпатиями к просоветскому Марксистскому студенческому союзу «Спартак», к теории государственно-монополистического капитализма Stamokap, поддерживаемой молодыми социалистами, и к очередному троцкистскому Интернационалу.

Левые книготорговцы, прежде привечавшие меня и мои работы о национал-социализме, теперь не желали рекомендовать покупателям книгу, которую называли неслыханным безобразием и «дико опасным» сочинением (Ютта Дитфурт); исключение составил только марбургский книжный магазин Roter Stern. Многие торговцы из этого круга отвечали бранью, когда к ним обращались представители издательства S. Fischer Verlag, и предостерегали постоянных клиентов и держательниц дисконтных карт от покупки моего сочинения. В таких магазинах пользовались успехом книги с прочувствованными названиями вроде «Руди и Ульрика»* или «Мой 68-й», раскупались записки современников «Дух мятежа», а слабовидящие приобретали друг для друга иллюстрированный альбом «Мы там были», сопровождая подарок надписью: «сердечно приветствую». В летнем семестре 2008 года руководство Гёттингенского университета отклонило предложение студентов пригласить меня для обсуждения событий 1968 года. Отказ предоставить скромную финансовую поддержку, обычную при организации подобных мероприятий, сопровождался недвусмысленным указанием на то, что книга «Наша борьба» — не лучшее чтение для университетской молодежи. Несмотря на это, студенты читали книгу с интересом.

Более вдумчивые представители поколения-68 избегают открытой конфронтации, предпочитая исподволь навязывать свои легенды, прежде всего — утверждение, будто они, — соглашаясь теперь с необходимостью критики и самокритики в отношении частностей, — все же содействовали тогда запуску назревших реформ. Некоторые утверждают, что в то время Федеративная Республика Германия была учреждена заново, во второй раз, и лишь протестные выступления вдохнули в нее дух свободы[1].

В этих мифах отражается чрезмерная переоценка собственной роли. На самом деле важнейшие для ФРГ реформы стартовали в начале 1960-х годов. Бремя их реализации легло на плечи

---

* Руди Дучке (1940—1979) — социолог и политик, лидер «новых левых», один из главных героев настоящей книги Гетца Али; Ульрика Майнхоф (1934—1976) — общественная деятельница, писательница, террористка.

многих наших старших современников — тех, кому сегодня от 75 до 85 лет и кто вместе с вернувшимися эмигрантами, антифашистами, а также раскаявшимися нацистами взял на себя тогда этот нелегкий труд. В 1963 году Фриц Бауэр, Ханс Бюргер-Принц, Ханс Гизе и Герберт Йегер выпустили манифест «Сексуальность и преступление. Статьи о реформе уголовного права», после чего соответствующий вопрос был внесен в бундестаг. Ральф Дарендорф своей книгой «Общество и демократия в Германии» (1965) внес существенный вклад в новую культуру общественных дискуссий. Фильм Ингмара Бергмана «Молчание», где в двух сценах изображался половой акт, подверг серьезному испытанию действовавший в то время моральный кодекс. В 1964 году Федеральное цензурное учреждение, не желая посягать на свободу творчества, пропустило ленту в кинопрокат без купюр, ее посмотрели одиннадцать миллионов немцев. Расцветить сексуальную жизнь призывал вовсе не Райнер Лангханс, а родившийся в 1928 году журналист и кинематографист Освальт Колле. В его фильме «Чудо любви» содержались простые рекомендации, как сделать уютнее спальни немцев, освещаемые единственным матовым потолочным светильником, неотапливаемые и крайне скудно обставленные. Непосредственных участников, особенно мужчин, он учил превращать минуты одностороннего блаженства в часы обоюдного счастья и побуждал к смелым экспериментам в сексуальной сфере. Если вспомнить мужской лозунг, введенный в обиход поколением-68: «Верный любовник — тот же чиновник», — то Освальта Колле безусловно можно причислить к просвещенным гуманистам периода становления ФРГ.

Переходные процессы наблюдались и в партийной политике. В Свободной демократической партии (СвДП), которая в 1950-е годы еще могла мириться с так называемым «гауляйтерским крылом», партийный молодняк сумел наконец преодолеть влияние старых нацистов. Среди героев переворота были Вальтер Шеель, Ханс-Дитрих Геншер, Лизелотте Функе — тогда еще молодые люди. Параллельно менялись настроения избирателей ФРГ: начиная с 1961 года постепенно — процент к проценту — накапливалось большинство, считавшее возможным видеть на посту федерального канцлера Вилли Брандта, который в глазах консерваторов был «предателем родины». Все эти бурные перемены в немецком обществе и подготовили почву для 1968 года. Участники протестного движения лишь пользовались тем, что нес с собой тогдашний дух реформ, но не были его творцами. Социолог культуры Вольфганг Эсбах, сам состоявший в те годы

в Социалистическом союзе немецких студентов (ССНС), в 2006 году констатировал: «Нужно признать, что многие активные реформаторы, родившиеся в начале 1930-х и ставшие зачинателями преобразования ФРГ в начале 1960-х, в сегодняшней исторической памяти потеснены поколением-68». Эсбах указывает, что «поколению-68 приходилось бороться в первую очередь не со старыми нацистами», а с «молодыми, реформаторски настроенными и задиристыми университетскими профессорами, полными новых идей»[2].

В моей книге я воздаю должное многим из этих ученых — от Вильгельма Вайшеделя до графа Кристиана фон Крокова. Их ряд легко расширить. Так, философ Одо Марквард, поначалу сочувствовавший новым левым, в 1967 году изменил точку зрения, усмотрев в их собраниях «слишком большое сходство с национал-социалистическими вечерними занятиями (Schulungsabende)», которые он посещал в юности. Причина аллергической реакции историка Йозефа Вульфа, пережившего холокост, была иной. В Берлине он быстро заметил, что новые левые начали отказываться от солидарности с Израилем, прежде более или менее естественной, и берут сторону палестинских партизан. В этой связи нельзя отделаться от тревожного вопроса: разве Вульф, человек, бежавший от нацистов и затем вернувшийся в Германию, покончил бы с собой в 1974 году, если бы мы, поколение-68, вместо того чтобы в 1967 году увлечься «теорией фашизма»*, имевшей мало общего с реальностью, читали его труды? Такой же скепсис по отношению к новому левому движению испытывал и Жан Амери. Ханна Арендт в 1967 году сухо возразила молодому немцу, одержимому идеей мировой революции: «Без сомнения, тот факт, что в Иране, Вьетнаме и Бразилии налицо “недостойная обстановка”, нас касается, однако это, в сущности, от нас не зависит. Мне кажется, у вас что-то вроде ложной мании величия. Попробуйте заняться политикой в Иране, и вы быстро исцелитесь. [...] Там, где дело идет о политике, полезно ограничивать мысль известными пределами»[3]. За исключением Герберта Маркузе, почти все эмигранты, которые после 1933 года были вынуждены покинуть Германию, реагировали примерно так же: поначалу молодежные волнения их радовали, но спустя несколько месяцев они начали ужасаться

---

* Об этой теории, растворявшей специфику немецкого национал-социализма во всеобщем, повсеместно распространенном в 1930-е годы фашизме, см. ниже.

немецкому неистовству, овладевшему бунтарями 68-го и перешедшему в бешеную ярость, слишком хорошо им знакомую.

Генерал-бас недавней национальной истории не смолкал в протестном движении 1968 года. Он придавал ему — вопреки всем привлекательным вариациям верхних голосов — неприятный основной тон. Уже в 1969 году эта проблема, по сути чрезвычайно немецкая, получила зримое выражение в художественном фильме «Альма-матер», который был снят Рольфом Хедрихом в Свободном университете Берлина по заказу компании Norddeutscher Rundfunk. Фильм стал убедительным репортажем о протестах, ведущемся с места событий; несколько раз съемке мешали реальные акции саботажа, предпринятые с целью ее сорвать: они органично вплетались в художественное действие. Сценарий написал Дитер Майхснер. Как и Хедрих, он принадлежал к поколению тех студентов, которые были основателями Свободного университета*. Они построили сюжет на основе собственного опыта, бесед, наблюдений и впечатлений периода январской забастовки 1969 года; съемки проходили в течение летнего семестра. Так появилась эта реалистическая картина, запечатлевшая кризисную, возбужденную атмосферу той поры. В центре повествования — профессор истории Фройденберг, либерально настроенный репатриант, который отчаивается в новых университетских порядках и вторично покидает Германию. Саундтрек сохранил голос говорящего со швабским акцентом функционера ССНС Тильмана Фихтера, который неустанно призывает к революционному «разрушению». Правдоподобный образ Фройденберга создан на основе рассказов и личных впечатлений тогдашних профессоров Свободного университета Эрнста Эдуарда Хирша, Рихарда Левенталя и Эрнста Френкеля, вернувшихся из эмиграции. В моей книге я не раз предоставляю слово двум последним. Быть может, именно этот фильм стал наиболее веским документальным свидетельством о студенческих волнениях в 1969 году.

На этом фоне мемуары, написанные в наши дни, выглядят бледно. Авторы слишком снисходительны к самим себе, слишком склонны забывать то, о чем неприятно вспоминать. Возьмем книгу «Бунт и безумие» («Rebellion und Wahn», 2008). Пример сам напрашивается, поскольку ее автор Петер Шнай-

---

* В 1948 г. подготовительной работой по созданию Свободного университета занимался студенческий комитет.

дер постоянно корит меня тем, что «Наша борьба» — конкурирующий товар! — свидетельствует о «ненависти к себе». Пусть так, но чем оборачивается любовь к себе? Скажем, на стр. 334 Шнайдер упоминает декабрьскую конференцию 1969 года, на которой верхушка революционеров Западного Берлина обсуждала свою дальнейшую стратегию. Эта встреча была очень важна, поскольку выдвинула на авансцену злополучные группировки профессиональных марксистов-ленинцев и окончательно отвратила бунтующих студентов от стремления к демократическим переменам. Шнайдер, принадлежавший к узкому кругу лидеров, который насчитывал около 20 человек, брал слово дважды. Сегодня он более чем сжато резюмирует свои тогдашние идеи: «Тот, кто принимает революцию всерьез, — так он будто бы заявил в те дни, — должен отправиться на предприятия и мобилизовать рабочий класс». Мне, тогда совсем юному студенту, с нетерпением ожидавшему результатов конференции, помнится совсем другое. Что именно — можно услышать и сегодня. Учитывая выдающееся значение собственных речей для дальнейшей судьбы человечества (его прогрессивной части), основатели будущей идейной секты увековечили их на магнитофонной пленке.

Согласно записи, товарищ Петер Шнайдер сформулировал следующую задачу: «дать толчок классовой борьбе в Германии», «подключить наиболее угнетенные слои населения к стратегии наиболее мобилизованных борцов» и создать «революционный авангард». И вот что под этим подразумевалось: «Только централизованная организация, следующая марксистско-ленинскому образцу, в принципе способна пробудить стихийное движение. [...] Профессиональным революционером становится лишь тот, кого признают вождем в борьбе народных масс, — а значит, недостаточно сказать, что студенты должны идти на предприятия, приобретать там практический опыт и затем уходить. [...] Совершенно необходимо, чтобы при проведении акций или во время производственных конфликтов студенты могли брать на себя лидерские функции, и в будущем, я считаю, нам не следует мириться с пребыванием в революционной организации тех, кто не удовлетворяет этим требованиям. [...] Я утверждаю, что на первом этапе создания организации она должна строиться сверху вниз и что приоритет будет отдан принципу централизма; что в Германии этот этап продлится долго и что он нужен для подготовки окончательного закрепления позиций централизованной марксистко-ленинской организации в массах»[4].

Из написанного Шнайдером в 2008 году следует, что к созданию позднейших доктринерских коммунистических групп (К-групп) на той конференции дело вели «всегда вызывавшие у него неприятное чувство» «параноики», один из которых носил эмблему «Мертвой головы». Всех этих людей Шнайдер перечисляет поименно. Сам же он, согласно представленному спустя 38 лет собственному отчету, желал лишь «направить на верный путь сознание» немецких рабочих и уже тогда задавал себе вопрос: «Разве все это означало, что мне следует немедленно вступить в организацию профессиональных революционеров?»[5] В целом, по утверждению издательства, книга Шнайдера опирается на поистине «бесценный материал», а именно его «дневник»: автор якобы был «одним из редких одиночек», которые вели в ту пору подобную запись событий. Между тем события 1968 года давно нуждаются в подлинном документальном описании, использующем самые разнообразные источники, а не саморепрезентацию так называемых свидетелей, не всегда надежных. К этому должна побудить настоящая книга.

Поколение, бежавшее от прошлого

Разумеется, не преминули письменно рассказать о прошлом и другие былые соратники, хорошо запомнившие тягостные моменты той беспокойной эпохи. К числу таких авторов принадлежит писательница Сибилла Левитшарофф. Она еще в школьные годы, до окончания в 1972 году штутгартской гимназии, была вовлечена в антиавторитарное движение, о чем рассказывает теперь с видимой неохотой: «Моя память склонна вычищать из минувшего времени все неприглядное». Никогда не примыкавшая к отъявленным радикалам, она все же вспоминает свой тогдашний «видоизмененный антисемитизм», «жестокость, авторитарность под маской ее противоположности, нежелание видеть действительность, авантюрный нарциссизм». Глядя в прошлое, она видит, как ее поколение «пыталось свалить с души бремя немецких несчастий, буквально захлебываясь патетическими словесами»: это для них было важным, самым важным, важным в глобальном масштабе, но находило выход в бесконечном «бла-бла-бла: по большей части серьезном, изредка остроумном».

Сибилла Левитшарофф описывает, как «примерно в 1970 году» профессиональные революционеры хлынули из Франкфурта в швабскую провинцию, вербуя школьников и, с равным энтузиазмом, школьниц. «Один как будто прибыл из кружка

анархистов времен Достоевского и, кажется, после своего появления ни разу не мылся — толстенький человечек с окладистой бородой, вращавший горящими глазами. Другой — политработник в кожаных доспехах, по профессии почтальон, с головой как облизанное яйцо: жуткая ассоциация напрашивалась еще и потому, что перед каждой фразой он для разгона прикасался кончиком языка к уголку рта. Не забудем и хладнокровных комиссаров — офисных технократов и знатоков оружия, которые выполняли инструкцию: соблазнять девиц где только можно, и гастролировали в регионе Штутгарта, обеспечивая движение новым материалом (я не шучу, именно так это называлось). Да, и еще: рабочий-вундеркинд из Фойербаха. Воздев указательный перст, он проповедовал тихим голосом, как Иисус в храме»[6].

Петер Фурт не похож на «бывших»; кроме того, он существенно их старше. Но рассуждает примерно так же. Когда-то он был учеником Адорно и издавал вместе с ним журнал Das Argument. Сегодня Фурт пришел к выводу, что «в движении 1968 года было нечто тоталитарное». Он сожалеет о разрушительных последствиях протестных выступлений, о заносчивости и партийном конформизме, присущих мышлению левых. Но больше всего раскаивается в том, что в 1968 году обозвал своего реформаторски настроенного тестя — еврея и социал-демократа, прошедшего через Бухенвальд, — «националистским бонзой», даже не заметив, что перед ним стоит один из немногих истинных республиканцев[7].

В моей книге я цитирую бывшего председателя ССНС Раймута Райхе, написавшего весьма сомнительное сочинение о «сексуальной революции». Нельзя, однако, обойти молчанием самокритичную оценку прошлого, которую Райхе дал в 1988 году, — при первом издании я упустил ее из виду. По смыслу эти высказывания перекликаются с двумя заключительными главами настоящей книги: «Страх перед прошлым и “помешательство на евреях”» и «Поколение-33 и поколение-68». Более двадцати лет назад Райхе признал, что некоторые факты и события той поры попросту не попадали в светлое поле сознания молодых людей; прежде всего он отметил, что бунтари не увидели «предмета для обсуждения» в книге «Неспособность скорбеть» («Die Unfähigkeit zu trauern»), опубликованной в 1967 году Александром и Маргарете Митшерлих. Причина такой близорукости проста: они как раз делали в ту пору все, чтобы «самим стать частью этого предмета». Банализацию национал-социализма, сведение его к фашизму, повсеместно распространенно-

му в 1930-е годы и будто бы лишь перешедшему в острую форму в Германии, Райхе оценивает как попытку «развоплотить» специфическую опасность, которая крылась именно в немецком прошлом. В тогдашних поисках «революционного субъекта» он усматривает желание убедить себя, что «широкие народные массы — в том числе и наши родители, — были на самом деле, в глубине души, “хорошими”, а национал-социалистическое “зло” по отношению к ним — чем-то наносным». Далее, приведя примеры «воинствующего ригоризма», он спрашивает: почему поколению 1968 года непременно было нужно «разрушать» все, что ему казалось неправильным? Почему эти люди считали детскую боязнь разлучения с родителями одной из форм «ложного сознания»? Почему члены «Коммуны-1» позировали для знаменитой фотографии раздетыми*? Почему они, стоя у стены с поднятыми руками, спиной к объективу, поставили рядом голого ребенка?

В заключение Райхе цитирует сборник, изданный в 1969 году в Западном Берлине «Центральным советом социалистических детских садов» («Zentralrat der sozialistischen Kinderläden»)**. Здесь напечатана работа Анны Фрейд и Софи Данн о шестерых детях в возрасте от полугода до года, которые были разлучены с родителями в концлагере Терезиенштадт и остались живы. Члены «Центрального совета» обличали авторов этой работы, называя их «учеными буржуазно-аффирмативного направления», оценивали годы, которые детям пришлось провести в концлагере, как «попытку коллективного воспитания» и ставили вопрос: «Служит ли коллективное поведение, которое демонстрировали эти шестеро детей, ценным вкладом в опыт человеческих отношений?» Ответ, как ни трудно поверить, был безоговорочно положительным.

Если Фрейд и Данн тщательно изучили и документально зафиксировали тяжелые травмы, сказавшиеся на психическом и физическом развитии детей, то молодые немцы и немки из «Центрального совета» увидели в Терезиенштадте поле для экспериментов: «Принадлежность к лагерной группе помогала каждому

---

* Желая выразить протест против ареста их соратника Фрица Тойфеля в июне 1967 г., члены “Коммуны-1” сфотографировались обнаженными. Фотография сопровождалась заголовком: «Частное — это политическое!»

** Речь идет о так называемых «детских садах антиавторитарного типа» — проекте, который продвигали тогдашние новые левые. Эти детские сады, возникшие в конце 1960-х в Берлине и организованные на началах взаимопомощи молодых матерей, получили название от разорившейся сети магазинов «Tante-Emma-Laden».

ребенку развить и во всей полноте проявить индивидуальные способности. Ограничения, которым вследствие этого подвергалась вся группа, принимались ее членами с готовностью. [...] Дети автоматически заступались друг за друга, когда чувствовали себя в опасности или считали наказание несправедливым. Они лучше, чем взрослые обитатели гетто [Терезиенштадта], противостояли враждебному окружению, стихийно выработав формы солидарности, тогда как большинство заключенных приходили к такой солидарности — если приходили вообще — лишь в результате мучительного опыта и под гнетом обстоятельств»[8]. Тот, кто даст себе труд и у кого достанет силы воли читать сегодня подобные сочинения, уже не сможет предаваться благодушным воспоминаниям о 1968 годе.

Сочинители текстов, искажающих действительность, существуют везде. Проблема в другом: брошюра, изданная «Центральным советом», распродавалась в огромных количествах перед столовой Свободного университета и во время бесчисленных политических собраний. Никто из покупателей — обычных любопытствующих или гиперкритичных неофитов — не оспорил ее содержания. В знаменитой, многократно переизданной книжке «Детский сад. Революция в деле воспитания или воспитание для дела революции?» («Kinderläden. Revolution der Erziehung oder Erziehung zur Revolution?», 1971), выпущенной издательством Rowohlt, одиозному «Центральному совету» было отведено почетное место, а цитируемая мной брошюра была включена в необычайно сжатый — и необычайно показательный — список рекомендуемой литературы. Как редактор, ответственность за серию rororo-aktuell нес Фраймут Дуве, будущий депутат бундестага от Социал-демократической партии Германии.

Все эти далеко не случайные ошибки, как и душевная глухота немецкого поколения-68, убедительно доказывают, что его связывают с гитлеровской молодежью, поколением-33, исторические и генеалогические узы. С точки зрения социальной педагогики это утверждение тривиально. Преемственность не могла не возникнуть. Последние были родителями первых. В 1933 году эти будущие родители, совсем еще молодые, всерьез увлеклись национал-социализмом. Они переживали этап жизненного пути, более всего располагающий к восприятию радикальных идей, ощущали со стороны нацистского государства особую заинтересованность в молодежи, делали первые успехи на профессиональном поприще и формировали для себя дружеский круг. Тем родителям, которым в 1933 году было от 15 до 20 лет, после

1945 года было очень трудно вернуться к ценностям и ориентирам донацистского времени. Эти люди потерпели полный моральный крах. Кроме того, два последних военных года их тяжело травмировали. Вполне естественно, что поколение их детей по большей части восприняло — через родных, учителей и тогдашних кумиров молодежи — изрядную дозу старой отравы, действие которой проявилось позже в протестном движении. Это поколение, пройдя через краткую начальную фазу бунта, еще проникнутую духом свободы, сразу же было одурманено привычным мышлением в координатах «друзья-враги», которое в годы «холодной войны» — ставшей прямым следствием развязанной Германией истребительной войны, — не теряло силы и примерно с 1967 по 1977 год оказывало решающее влияние на умы студенчества. Я не упрекаю, не виню поколение-68, но и не хочу его хвалить. Речь идет об историческом факте.

Многие из моих слушателей не скрывали недовольства, когда во время чтений я пытался показать взаимосвязь этих коллективных биографий. «Нет, вся правда в том, — возразила 60-летняя слушательница, — что мы хотели добра! А национал-социализм был злом».

«Вероятно, — спросил я, — мы с вами согласимся, что жизнь немецкого общества в течение десятилетий определялась последствиями национал-социализма, войны и немецких преступлений?»

«Да, разумеется!»

«Почему же вы так уверены, что именно ваш жизненный проект был свободен от этого воздействия?»

Молчание.

В книге «Бунт и безумие» Петер Шнайдер рассказывает, как в период студенческих волнений Руди Дучке высказывался о национал-социализме. Его товарищ по ССНС Тильман Фихтер спросил как-то, не пора ли им вместо постоянного возмущения империалистическим насилием в Африке и Вьетнаме «сделать хоть что-то в связи с убийством евреев». Дучке, немного помедлив, ответил: «Если затеем это, то растеряем всю нашу силу. Такая кампания нашему поколению не по плечу, из этой истории мы никогда не выпутаемся. Нельзя одновременно прорабатывать проблему убийства евреев и делать революцию. Сначала нужно противопоставить этому прошлому нечто положительное»[9].

Руди Дучке, а с ним и все поколение 1968 года спасались от немецкой истории бегством. Практические последствия

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru